

Базылев В. Н.
Москва, Россия

«КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ»
ЛАЗАРЯ КАГАНОВИЧА:
ФРАГМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

УДК 152.34

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Статья посвящена современному подходу к изучению языковой личности советской эпохи с позиций исторической психологии.

Ключевые слова: политическая психология; историческая психология; языковая личность; портрет; Лазарь Каганович.

Сведения об авторе: Базылев, Владимир Николаевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, кафедра методики, педагогики и психологии

Должность: профессор

Контактная информация: 123056, г. Москва, ул. Красина, д. 7, стр. 1, кв. 126

E-mail: vladimir@4unet.ru

Bazylev V.N.
Moscow, Russia

LAZAR KAGANOVITCH,
"PICTURES OF THE LIFE'S JOURNEY":
A FRAGMENT OF HISTORICAL POLITICAL
PERSONALITY PSYCHOLOGY"

Abstract. The article presents modern studies adjacent to sovietological investigations, namely researches into political discourses of the Soviet leader Lazar Kaganovich.

Key words: political psychology; historical psychology; language personality; profile; Lazar Kaganovich.

About the author: Bazylev, Vladimir Nikolaevich
Academic degree, academic status: doctor of
philological sciences, professor

Place of employment: Pushkin State Institute of the Russian Language, chair of method, pedagogic and psychology

Position: professor

О детерминации такого сложного явления самосознания, как образ или картина своей собственной жизни, можно высказаться лишь метафорически: «ткань полотна», на котором наше «я» изображает самую важную в своей жизни картину, сплетается из феноменологических и социокультурных явлений. Обратимся к феноменологическому анализу, позволяющему слой за слоем рассмотреть индивидуальные составляющие представлений человека о своей жизни. Понятие «картина жизненного пути» [Ананьев 1968] относится к важнейшим характеристикам самосознания, отражающим этапы индивидуального развития и связывающим события жизненного пути в единую систему отсчета. Основным содержанием субъективной картины жизненного пути являются межсобытийные связи – реализованные, актуальные и потенциальные. Люди, нашедшие свое призвание, проявляют большую адекватность в осознании значимости событий. Наоборот, у людей, не нашедших свое место в жизни, количество случайных, не связанных друг с другом событий в картине жизни оказывается довольно большим. В описывающих содержание субъективных картин жизненного пути текстах могут отсутствовать межсобытийные связи, принадлежащие либо к прошлому, то есть реализованные, либо к настоящему, то есть актуальные, либо к будущему, то есть потенциальные связи. Этот феномен был назван «мотивационной недостаточностью» [Кроник, Ахмеров 1988]. В результате исследований оказалось возможно типологизировать деформации субъективных картин жиз-

ненного пути и обобщенно представить их следующим образом: отсутствие потенциальных связей, характеризующее чувство бесперспективности; отсутствие потенциальных связей сопровождается обычно и отсутствием актуальных связей, что свидетельствует о пассивности человека в настоящем и отсутствии надежды на будущее; отсутствие реализованных связей приводит к обесцениванию прошлого; отсутствие актуальных связей возникает тогда, когда человек не чувствует связи своего прошлого с будущим; отсутствие реализованных и потенциальных связей и наличие только актуальных означает, что человек полностью поглощен текущим периодом жизни, воспоминания или мечты, которые не имеют непосредственного отношения к заботам дня сегодняшнего, кажутся непозволительной роскошью; картина жизни лишь с потенциальными связями может быть характерна для человека, с головой ушедшего в мечты и планы, правда, по его собственным ощущениям, ничего толкового он пока сделать в своей жизни не успел – прошлое и настоящее обесценивается, то есть настоящее незначимо, а прошлое пусто [Либин 2000: 390-391].

Социокультурные же «переплетения» этой «ткани» позволяет рассмотреть подробно историческая психология [Шкуратов 1997]. Историческую психологию можно определить как изучение психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности отдельного человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей. Историческое время есть связь между про-

шлым, настоящим и будущем человечества. Исторически можно изучать не только то, что минуло, но и современность, а также грядущее. Историческая психология в широком значении слова – подход, помещающий психику и личность в связь времен. Прием этот общепринят в социально-гуманитарном знании, которое только и делает, что наблюдает за человеком в реке перемен. Историческая психология возникает из стремления подвести под эти наблюдения некий метод, отделить научные методы от художественного вымысла. Читатель исторических романов и мемуаров хочет знать, какими люди прошлого были «на самом деле». Человеческие профили, которые высказывают мысли о ментальностях, но не имеют возможности их проверить, тоже хотели бы, я уверен, открыть источник надежных фактов о психологии разных эпох.

«Картина жизненного пути» человека, политика, любого лидера – это попытка, вполне объяснимая с психологической точки зрения, редуцировать сложную синкретическую невозможность понимания себя со стороны и в окружении других до более имманентных форм. Естественно, это все равно ни к чему не приводит, поскольку «до-говориться» на уровне слов можно о чем угодно и до чего угодно, но нельзя искусственно придать синкретическую энергию смыслообразовательных потенций в акте переживания дискретизированным, семиотически определенным и прагматически рациональным сущностям, от этого синкретизиса отпавшим. Из этой психологической потребности достичь полноты со-переживания, прилагая при этом минимум духовных усилий, вытекает практика создания псевдообразов на картине ложных и чисто конвенциональных ценностей – ценностей на уровне слов. Это становится, надо отметить, возможным только тогда, когда культура настолько аккумулирует семиотические элементы, что становится способной творить сущности из своего собственного материала, последовательно отчуждая субъекта от первичного синкретизиса.

Интересно, что «картина» изменяться не способна – меняется лишь взгляд на нее. Создающий свою «картину» первоначально сознает свои ощущения и формулирует их, затем постепенно теряет дар слова: чем больше он видит, чем глубже ощущает, чем искренне сострадает народу и стране, тем меньше способен себя выразить в словах. Чем глубже слово, чем сложнее мысль, тем беднее речь, тем затрудненнее ее рождение. Ведь естественной речи заведомо противопоставлены клише социальных диалектов, облегчающих речевую информацию. А это ведет либо к фальсификации, либо к бес-

смыслице. Бессмысленность же, следствие лукавства, иногда приобретает видимость содержательности, заставляющей задуматься. Бессмысленность может стать следствием попытки перевода в иную семиотическую систему непередаваемых обстоятельств и речей.

«Картина жизненного пути» трагична и комична одновременно – амбивалентна. Трагичность «картины» в рефлексии «немоты» людей и их обреченности на обоюдное непонимание, а невозможность общения обрекает людей на одиночество и распри. «Картина жизненного пути» политика – это попытка прорвать сферу непонимания, попытка понять себя и других, дать возможность понять другим себя. Комика автопортрета состоит в фальшивой позиции метаязыка. В одном из своих писем З. Фрейд пересказывает хорошо известную шутку об одном недавно женившемся человеке, которого его друг спрашивает, как выглядит его жена. Молодожен отвечает: лично мне она не нравится, но ведь это дело вкуса. Комика автопортрета заключается в стереотипе-клише, маске-актере, ходульности и театральности. Славой Жижек напишет, что с такого рода ответами он столкнулся в интервью с Жириновским [Славой Жижек 1998: 166-167].

Может быть, В. Гроссман был прав, написав: «От Аввакума до Ленина наша человечность и свобода партийны, фанатичны... Чехов сказал: пусть Бог посторонится, пусть посторонятся так называемые великие прогрессивные идеи, начнем с человека, будем добры, внимательны к человеку, кто бы он ни был ... Вот это и называется демократия, пока несостоявшаяся демократия русского народа» [Гроссман 1980: 187-188].

Начнем с человека и мы. В силу известной российской традиции, описанной Ю. С. Степановым, индивид мыслится как человек – свободный, равный и братский всем другим членам массы, но не как личность. В российской культуре человек и индивид представляют собой некоторый эволюционный ряд, стадии, или фазы, развития одного концепта, т.е. концепта 'Человек. Личность'. В связи с этим данный концепт приобретает разные измерения или параметризуется. Есть три наиболее естественных параметра, или аспекта, человека – три линии его естественной параметризации: человек в отношении к миру, человек в отношении к обществу, к себе подобным, человек в отношении к самому себе. За счет все большей и детализированной рефлексии параметризации человек во все большей степени (поведенчески, психически, ментально) выделяется из массы, по К. С. Аксакову, приобретает «индивидуальное лицо в народе». Ю. С. Степанов

отмечает, что 'личность' – persona восходит к этрусскому обозначению «маски» – театральной маски, маски персонажа на сцене. Таким образом, в этом римском понятии, пожалуй, впервые в истории социально закрепляется идея – весь мир театр. Но это одновременно фиксация идеи социальных ролей. Латинское persona дало в русском языке два ряда слов: с одной стороны, как перевод, особа; с другой стороны, как заимствование, персона в значениях 'особа, лицо' и 'портрет' [Степанов 1977: 551-552].

Параметрически личность – носитель языка, индивид, человек, о котором известно, что это личность, и которого мы знаем по речам и по делам его. Субъект же – тот, кто дан нам только по речам; системность в действиях субъекта нам не доступна.

Параллель выявляется в основных линиях прагматической интерпретации высказывания – это «расслоение» «я» говорящего на «я» как подлежащее предложения, «я» как субъект речи, наконец, на «я» как внутреннее «эго», которое контролирует самого субъекта [Степанов 1998: 374-375].

Это, можно сказать, когнитивное расщепление субъекта, которое на поверхности языка предстает как более или менее удачная метафора, приложимая к сумме жизненных примеров, в которых проявляются те или иные психические отклонения, формирующие «практически здоровую» человеческую личность.

Наиболее доступным и информационно насыщенным способом постижения человека является информация, которую он (человек) передает при помощи обыкновенного языка. Как заметил психолог Дж. Марсия: «Если хотите что-нибудь узнать о человеке, спросите его. Может быть, он вам что-нибудь и расскажет» [Я, субъект, индивид 2002: 42]. Ибо за каждым текстом стоит языковая личность, структурированная, по предположению Ю. Н. Караулова, из трех уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Тот же Ю. Н. Караулов отмечает, что в исследовании возможно использование как достаточной протяженности текстов, так и достаточным может стать не обязательно связный текст, но набор речевых произведений отрывочного характера, реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т. п., но собранных за достаточно длительный промежуток времени [Караулов 1992].

Учение о языковой личности, намеченное в основных чертах в 20-30-е годы нашего века, лишь в последние десятилетия обретает некоторую теоретическую и методологическую определенность (во многом благодаря работам

Ю. Н. Караулова). В перспективе это учение позволит найти ясные "лингвоориентированные" методики установления своеобразия индивидуального или коллективного "я", как оно проявляется в продуцируемых этим "я" текстах.

Речевой автопортрет вырабатывается только в результате социальных процессов, то есть является по происхождению социальным конструктом. Существование речевого автопортрета обусловлено существованием языка. Он живет в рамках языковых форм и норм как квинт-эссенции культурного опыта человечества, пользуясь при этом своим субъективным языком, языком личностных смыслов.

Автопортрет является объективным выражением психологического «я» личности, управляемым, с одной стороны, законами и нормами речи, с другой стороны – психологическими механизмами памяти.

Автопортрет трехпланов по своей сути. В треугольнике – внешнее (обличье) – значение – смысл, первое овнешняется в воспоминаниях, представляющих собой единство пространственно-временных характеристик ситуации, раскрывающейся в речи в соответствии с лингвистическими правилами языка. Речь надстраивается над чувственностью опыта, создавая схематизированные и оречевленные образы памяти. Память же автопортрета представляет собой уникальную психологическую структуру, являющуюся одновременно и когнитивной, и личностно-мотивационной. Личностная вовлеченность в творческую деятельность и когнитивная зрелость для решения новых задач – два необходимых условия успешного формирования и воплощения автопортрета.

Параметры личности, которые необходимо фиксируются в автопортрете, могут быть резюмированы следующим образом: практически близкая доступность семантики воспоминания и его овнешнения; обостренное внимание к своему когнитивному развитию; создание баланса травматических и поддерживающих элементов автобиографической памяти за счет творческого планирования будущего; выставление альтернативных (разнящихся) эмоциональных оценок одному и тому же событию; временная конфигурация автобиографической памяти, связанная с узловыми творческими моментами обучения/воспитания; умение произвольного использования элементов автобиографической памяти в качестве материала для произвольно избранных целей; вербальная разработанность автобиографической памяти; нестереотипная связь с наличным эмоционально-личностным состоянием; отсутствие потребности сравнения воспоминаний с действительностью, преобладающая ценность индивидуального видения;

восприятие своей судьбы как творческого пути саморазвития и самосовершенствования.

Параметры субъекта, которые необходимы к фиксации в автопортрете, могут быть резюмированы следующим образом: физиология поведения; подверженность несчастным случаям и заболеваниям; сексуальное поведение и отношение к детям; эмоции; контроль над окружающим миром; действительная ценность для общества в сравнении с видимой ценностью; этический уровень; отношение к правде; уровень смелости; особенности говорения и слушания; особенности передачи письменных и устных сообщений; уровень реальности (согласия); настойчивость в достижении цели; буквальность в понимании сказанного; метод обращения с людьми; подверженность гипнозу; способность испытывать удовольствие в настоящее время; ценность как друга; отношение окружающих; состояние принадлежащих вещей; понимание окружающих; потенциал успеха; потенциал выживания [Базылев 1999: 16-20].

Параметризация субъекта – личности – человека происходит в слове-автопортрете, в эйдетическом феномене. Параметризация, иными словами элементаризация, в чем-то парадоксальна, т.к. элемент сам по себе парадоксален. Его функции – функции элемента автопортрета – в том, чтобы объединять разнородное, координировать его, заставлять резонировать и сходиться в одно целое, но также и расширять, оформлять его. Он выступает одновременно и как слово и как факт (resp. феномен). Эти две стороны, как в свое время в своих лингвофилософских работах обсудил А. Ф. Лосев, никогда не бывают в равновесии, не соединяются вместе, не сливаются, так как парадоксальный элемент всегда остается в неравновесии по отношению к самому себе. Он одновременно является избытком и недостатком, пустым местом и сверхобъектом, "плавающим" означаемым и "утопленным" означаемым, эзотерическим словом и эзотерической вещью [Лосев 2004: 26].

Проиллюстрируем данные теоретические рассуждения практическим аналитическим обращением к мемуарам известного советского политического лидера Лазаря Кагановича.

В поведении и физиологии. – Хорошая способность работать над проектами и выполнять намеченное. – Я остался один, стал осторожным в своем озорстве, налег на учебу, одновременно на спорт, доступный в деревенских условиях того времени: плавание, лодка, попокорки, чурки и т. п. Плюс по вечерам песни хлопцами и девушками, чем я увлекался и в своей деревне [Каганович 1997: 40].

В подверженности несчастным случаям и заболеваниям. – Высокая сопротивляемость

заболеваниям. – Я не сдавался, бодро работал, во всяком случае изо всех сил старался не показывать виду, что мне тяжело, и работал сгоня семь потов. Но, естественно, физически мой молодой организм с трудом выдерживал, да к тому же еще работа не грела, а под ней теплой одежды не было и тем более теплого белья, свитера не было – в результате я простудился и заболел воспалением легких. В больницу попасть нашему брату невозможно было, в ночлежке на нарах тоже невозможно было оставаться, и Михаил устроил меня в комнате старого большевика, рабочего-металлиста... Кризис болезни прошел, и я начал выздоравливать – молодой организм победил. Прощаясь, врач сказал: «Благодари родителей, что наделили тебя крепким организмом – будешь долго жить» [Каганович 1997: 57-58].

Эмоции. – Страстное стремление, воодушевление, восторг. – *На всю жизнь у меня с детства остались в памяти эти страшные дни – недели переделов участков земли и лугов, которые всегда кончались кровавыми драками. Я никогда не забывал и не забуду тяжкое зрелище, когда привезли с лугов нашего доброго соседа с разрезанным косой животом, с вывалившимися внутренностями. Я, естественно, тогда не очень разбирался в классовом содержании этого события, но я знал, что этот наш сосед был очень беден и что зарезал его богатый родственник бедняка, который вызвал у нас, детей, гнев и проклятия, а семья зарезанного вызвала большое сочувствие и детские слезы* [Каганович 1997: 22].

Сексуальное поведение, отношение к детям. – Интерес к продолжению рода, сильный интерес к детям. – *Для меня ясно, что малообразованные мои родители, но от природы умные и честные, дали нам много положительного, отдавая детям все свои силы, в то время как рядом такие же бедняки жили самодомом, мало заботясь о себе, о детях, о чести семьи, – как сложилось, так, мол, пусть и идет, нам бы прожить кое-как, поесть и на боковую, а там, что выйдет из детей... Бог его знает. Наши родители не только рожали и кормили детей, но, как могли, и воспитывали их, формировали их, и если бы они к своему природному уму, трудолюбию, такту и энергии имели бы еще образование, то и они, да, вероятно, и дети их принесли бы больше пользы людям и всему обществу. То, что я говорю, относится не только к старому прошлому, но в известной мере и к современным родителям и детям* [Каганович 1997: 34]. – *Надо, однако, сказать, что товарищи меня не «чурались», в том числе и чернобровые дев-*

чата [Каганович 1997:74]. – Я тепло попрощался с моими товарищами, с моей женой Марией, которая, хотя и видала виды, как старый большевик, в данном случае была, конечно, расстроена таким финалом (арестом). Я ее, как мог, успокоил, мы попрощались, как любящие друг друга люди и как товарищи по борьбе [Каганович 1997: 121].

Контроль над окружающим миром. – Высокая степень владения собой, активное воздействие на окружающий мир, развитая способность разумно мыслить, живые эмоции. – Я видел и понимал, что лучшие люди рабочего класса под руководством существовавшей в тяжких условиях столыпинщины подпольной рабочей партии большевиков своей работой должны повернуть и поворачивают и этих отсталых людей на правильный путь [Каганович 1997: 64]. – Кормили плохо, даже хуже, чем всех солдат; кипятку и того не хватало, а сахару и подавно, свечей или лампы у меня в «купе» не было, а естественный свет попадал в вагон, особенно в мой «мешок», очень скудный, так что если бы мне и давали книги, то читать их было бы невозможно. Хотя все это портит настроение, но я чувствовал себя бодро, а главное оптимистически – уверенно [Каганович 1997: 123].

Действительная ценность для общества в сравнении с видимой ценностью. – Ценен для общества, изменяет окружающий мир на благо себе и другим. – Я хорошо понимал, что вступаю в ряды партии, борющейся не на жизнь, а на смерть с сильным врагом, с опытным, старым эксплуататорским миром. Я реально ощутил колоссальную перемену в моей жизни, психологии, поведении. Прежде всего – это проявление большого чувства и сознания ответственности за себя, за свои понятия и действия, ответственность за весь тот великий коллектив – партию, в ряды которой был включен. Если до этого я уже понимал, что для освобождения пролетариата необходимо соединить рабочее движение с социализмом, экономическую борьбу с политической классово-борьбой в общенациональном и международном масштабе, то теперь мало было понимать. Члену партии необходимо действовать, а не только и просто проповедовать социализм... Вступив в партию, я со всей силой и остротой ощутил и осознал, что подпольная партия требует строжайшей конспирации – меньше слов, больше дела [Каганович 1997: 76-77].

Этический уровень. – Считается с этическими нормами группы и совершенствует их, руководствуясь требованиями разума. – Но главное, что я всегда помню, это то, что

способность работника, его роль развиваются только в коллективе и благодаря коллективу, и поэтому в мемуарах употребление местоимения «я» ни в коей мере не должно оттеснить, затемнить главное: коллектив, массу, класс а также объективно-исторические условия борьбы и тому подобное, то есть все то, без чего личность не только не может развиваться, но и просто жить и существовать. Поэтому даже там, где приходится говорить о себе, я всегда подразумеваю себя как частицу коллектива – этого постоянного истинного творца всего сущего [Каганович 1997: 17]. – Таким образом, каждый из нас, вновь вступивших в партию, воспринимал партийную дисциплину не как внешне механическую, административную силу, а как глубоко сознательную, внутренне идейную дисциплину, что означает – добровольное подчинение своей индивидуальной свободы (тем более индивидуалистических выкрутасов) единой коллективной партийной свободе, помня, что «свобода есть осознанная необходимость» и что понимание этой необходимости есть решающее условие подлинной свободы всего коллектива и каждого в отдельности [Каганович 1997: 77].

Отношение к правде. – Высокое понятие о правде. – Я позволю себе подробнее осветить этот вопрос не потому конечно, что я, как один из авторов этого постановления и этой системы отчетности, «влюблен» в нее, а потому, что придавал и сейчас придаю ей, этой системе отчетности, важное и большое значение в партийном руководстве [Каганович 1997: 270] – Борьба была острая и тяжелая. Некоторые из современных историков упрощают положение, легковесно оценивают прохождение дискуссии с точки зрения современного положения... [Каганович 1997: 243].

Уровень смелости. – Высокий уровень смелости. – Вообще мы, более смелые, защищали робких и слабых ребят от хулиганствующих. Мне, например, особенно запомнился один верзила, который был постарше нас и избивал ребят, добиваясь этим беспрекословного послушания. И вот однажды, когда он с обычным своим нахальством начал наступать на меня, я имевшейся у меня в руках лозинкой его хлестнул. Вначале он продолжал храбро наступать – царапина была небольшая. Но когда он увидел, что у него просочилась кровь, он начал реветь. И с тех пор перестал избивать детей, за что ребята благодарили меня, осмелившегося дать ему отпор [Каганович 1997: 46]. – Прибыв на этот участок боя, я участвовал в самоотверженном сражении наших

бойцов, особенно из рабочих этого же завода, в том числе латышей... [Каганович 1997: 219].

Речевое поведение: говорение и слушание. – Способен быстро, сильно, талантливо и полно изложить свои и понять чужие мысли и убеждения. – *Поскольку в нашей деревне пошли слухи, что вот появился «грамотей» – сын Мошки Кагановича, к отцу обратились некоторые из села, чтобы я давал уроки их сыновьям по общеобразовательным предметам. Уговорились об оплате: за каждый урок по 1 рублю два раза в неделю... Вероятно, я был тогда самым молодым «учителем» в стране [Каганович 1997: 44]. – Люди слушали с исключительным вниманием. Я читал медленно, с расстановкой и, можно сказать, воодушевленно... Я с большим удовлетворением вспоминаю это первое инициативное массовое мое действие, которое показало мне великую силу литературы и слова для воспитания людей... [Каганович 1997: 54-55].*

Особенности передачи устных и письменных сообщений. – Передает сообщения, несущие энергетический потенциал для аудитории. – *Я нашел аудиторию в лице благородных жителей нашего большого дома. Вокруг меня собирались жители из рабочих, служащих и даже интеллигенции. Задавали многочисленные вопросы на разные темы. Я охотно и ясно им отвечал, затем просто шла беседа. Я был и остаюсь благодарен жителям нашего и окружающего домов за теплое и товарищеское отношение ко мне и тем, кто меня окружает и ободряет. Жизнь хороша только в общении с людьми... [Каганович 1997: 13]. – Это было мое первое крещение – выступление перед массой; я тогда особенно почувствовал и понял великую силу слова – правильного слова [Каганович 1997: 66].*

Уровень реальности. – Поиск различных точек зрения для расширения границ своей реальности, изменяет реальность. – *Существует пословица: не единым хлебом жив человек. Это, конечно, высокоблагородная мысль, означающая, что, кроме хлеба, человеку нужна культура, духовная жизнь, идейно-политическое содержание жизни и т.д. Все это правильно, но когда «хлеб этот единый» имеется у человека [Каганович 1997: 61]. – Хотя у нас, большевиков, не было точных данных о положении, но мы своим чутьем и знанием силы нашей партии, Ленина и героизма питерских рабочих и солдат были уверены, что это лживая фабрикация... и соответственно реагировали в зале заседания [Каганович 1997: 154].*

Способность справляться с ответственностью – Способен принимать и нести ответственность. – *Не преувеличивая свои молодые*

силы рядового члена партии, скромно оценивая свои возможности. Я все же не принадлежал робкому и вялому десятку и со всей юной энергией и смелостью взялся за порученную мне райкомом работу [Каганович 1997: 78]. – Естественно, я принял это поручение как великую честь для себя и, кроме того, был доволен тем, что это дает мне возможность принять более органическое участие в работе Третьего съезда Советов, который, как я уже писал, сыграл большую роль в истории Советского государства и определил пути государственного и социалистического строительства... [Каганович 1997: 182].

Настойчивость в достижении цели. – Высокая творческая настойчивость в достижении цели. – *Но, как всегда, необходимость и решимость мобилизуют силы, а я привык к напряженной работе [Каганович 1997: 14]. – Хотя мне было жаль, что я не могу вернуться в Белоруссию – Могилевщину и Гомельщину для завершения работы по укреплению Советской власти, но работа по организации Красной Армии захватило меня, и я отдал ей все свои силы и энергию [Каганович 1997: 187]. – Про себя, например, скажу, что я, привыкший к интенсивной работе, здесь работал и день и ночь – и по собственному увлечению и по необходимости [Каганович 1997: 189].*

Буквальность в понимании сказанного. – Хорошее понимание высказываний, хорошее чувство юмора. – *Я ему рассказал о проделанной работе в Могилеве и об имеющихся еще слабостях. Он очень интересовался, задавал вопросы. А затем, полушутя-полусерьезно, сказал: «От имени Верховного Главнокомандования благодарю вас за проделанную работу». Я тоже, полушутя и полусерьез, поднялся, стал по-солдатски и сказал: «Рад служить партии и революции» [Каганович 1997: 161].*

Метод обращения с людьми. – Приобретает поддержку благодаря своему творческому мышлению и жизненной энергии. – *Я ответил, что мне бы не хотелось уезжать а настоящее время из Воронежа до полного завершения восстановления хозяйства и укрепления низовых органов Советской власти, но если ЦК считает необходимым послать меня в Туркестан, я приму это решение ЦК и отдам все свои силы и опыт для выполнения поручения ЦК и Правительства. (Признаюсь – у меня была личная серьезная причина к отказу от Туркестана – моя жена Мария Марковна болела туберкулезом, и туркестанский климат не был для нее благоприятным, но я даже постеснялся говорить в ЦК о личных причинах. Сама Мария одобрила то, что я не говорил об этом в ЦК, и выехала со мной [Каганович 1997: 231].*

Способность испытывать удовольствие в настоящем времени. – В полной мере испытывает удовольствие от существования. – *Как ни бедна наша деревенская жизнь, она имела много своих прелестей, своей не прикрашенной, а настоящей жизненной романтики. Бедные люди, независимо от их национальности, особенно их дети, чувствуют, что без маленьких радостей, когда нет больших, жить невозможно, и они часто создают себе эти радости. Они умеют их находить в общении друг с другом и взаимопомощи, в окружающей их природе: на лугах, полях, речках, в цветах и наконец, в песне и плясках... Сколько, например, душевной радости, чистоты, поэзии и романтического наслаждения приносили и приносят летние ежевечерние песни и танцы на площадке или на широкой улице молодых «хлопцев и дивчат, колы мисяць починае выдаваты свое свитло и починається и разгортається спивання, танцювання, и одын другого поривояться повэршити и пэрэмогты – аж дух пэрэхорлюе!»* [Каганович 1997: 147].

Ценность как друга. – Очень хорошая. – *В деревне жил и работал молодой талантливый крестьянин-музыкант. Он замечательно играл на скрипке, я с ним сдружился. Дружба наша выразилась не только в беседах, но и в том. Что я его обучал грамоте, а он меня обучал игре на скрипке. Хотя я душой воспринимаю музыку, но музыканта-скрипача из меня не получилось, зато элементарной грамоте я моего Семена научил* [Каганович 1997: 51]. – *Трудно даже перечислить, сколько друзей и товарищей приобрел я на фронте. Я сдружился, например, с тов. Тюленевым – командующим фронтом, этим славным ветераном Красной Армии еще с Гражданской войны. Хотя у нас иногда бывали споры по деловым вопросам, но это не помешало нашей дружбе и привязанности...* [Каганович 1997: 477].

Любовь окружающих. – Многие любят. – *Без ложной скромности скажу, что и могилевские большевики тепло, даже горячо проводили меня, внесшего свои лепту в победу, рост и расцвет нового Советского социалистического большевистского Могилева* [Каганович 1997: 162].

Понимание окружающих. – Хороший уровень понимания. – *Некоторые товарищи, члены комитета, возражали, уговаривая, что это рискованно, но я считал, что это первый бой и очень важно его выиграть. Велика, говорил я, сила большевистского правдивого слова. Товарищи в конце концов согласились на такое решение, и мы поехали* [Каганович 1997: 148].

Потенциал выживания. – Отличный, значительная продолжительность жизни. – *Мое лич-*

ное состояние усугубилось еще тем, что, к великому моему горю, в это время ушла из жизни моя жена Мария Марковна, мой боевой друг, член партии с 1909 года. С которым я прошел вместе 50 лет семейной и личной, и партийной жизни. Но такое мое состояние я преодолел, как большевик. Оно, прежде всего, было побеждено моей сознательной научной верой в Великую идею социализма и коммунизма. Эта идея выше, значительнее, могущественнее личных моментов и жизни, и борьба за осуществление этой идеи нужна и возможна в любых условиях. Жить по-прежнему, каким был до революции, пролетарием-большевиком. Таким и остался, и остаюсь. Я вернулся на круги своя [Каганович 1997: 13].

Биографическая справка. Каганович Лазарь Моисеевич, 22 ноября 1983 – 25 июля 1991 – советский государственный и партийный деятель, ближайший сподвижник Сталина. Родился в бедной еврейской семье в д. Кабаны Киевской губернии, был самоучкой, работал сапожником. Член РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС с 1911 года. В 1911-1915 – член Киевского комитета партии. В 1916 году – член Екатеринославского комитета, руководитель большевистских организаций в Мелитополе и Юзовке. В 1917 году – член Саратовского комитета партии большевиков, член Саратовской военной большевистской организации и член исполкома Совета. Член Всероссийского бюро военных партийных организаций при ЦК РСДРП(б), избранного в июне 1917 года. Активный участник революции 1917 года – руководил установлением советской власти в Гомеле, где работал председателем Полесского комитета партии. В 1918 году – комиссар Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. С июня 1918 года – председатель губисполкома в Нижнем Новгороде. В 1919 – председатель Воронежского губревкома, а затем губисполкома. С 1920 года – член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и одновременно один из руководителей Реввоенсовета Туркестанского фронта, нарком РКИ Туркестанской республики и председатель Ташкентского горсовета. С 1922 года – заведующий организационно-инструкторским, а затем организационно-распорядительным отделом ЦК РКП(б). С 1924 по 1925 год – секретарь ЦК РКП(б). 1925 по 1928 год первый секретарь ЦК КП(б) Украины. Один из организаторов раскулачивания на Украине, ставшего одной из причин голода на Украине 1932-1933 гг., унесшего миллионы жизней. Отличался большой жестокостью, применяя репрессии не только к богатым и сопротивлявшимся крестьянам, но и членам их семей, и

просто мирного населения. С 1928 по 1939 год – секретарь ЦК ВКП(б). Считается одним из организаторов политических репрессий сталинского времени. В 1930-1935 годах – первый секретарь Московского комитета ВКП(б). Известен организацией генеральной реконструкции Москвы в 1930-е годы. Каганович был инициатором сноса множества московских памятников архитектуры, церквей. В частности, известна его фраза, когда решался вопрос о сносе Иверских ворот с часовней и церкви на углу Никольской улице (против этих разрушений решительно возражали А. В. Луначарский и многие архитекторы). Подводя итог обсуждению, Каганович безапелляционно сказал: «...моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь». В 1933 году возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б). В 1934-1935 годах – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С 1935 по 1944 год – нарком путей сообщения СССР. Его имя в 1935-1955 носил Московский метрополитен, а затем, до 1957 года, станция «Охотный ряд», первый советский троллейбус имел в его честь марку «ЛК». С 1937 года – по совместительству нарком тяжелой промышленности, с 1939 года – нарком топливной промышленности, с 12 октября 1939 по 1940 – первый нарком нефтяной промышленности СССР. С августа 1938 года – одновременно заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1942 году – член Военного совета Северо-Кавказского, а затем Закавказского фронтов. В 1942-1945 годах – член Государственного Комитета Обороны. В 1946-1947 годах – заместитель председателя Совета Министров СССР, а с марта 1946 года – одновременно министр промышленности строительных материалов. В 1947 году – первый секретарь и член политбюро ЦК КП(б) Украины. С декабря 1947 года – заместитель, а с марта 1953 года – первый заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1952 года – член Президиума ЦК КПСС. С июля 1930 по 1952 года – член Политбюро. В 1955-1956 годах – председатель Государственного комитета Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы, а в 1956-1957 – министр промышленности строительных материалов СССР. В 1957 году объявлен членом «антипартийной группировки Молотова-Маленкова-Кагановича», снят со всех постов и отправлен на мелкие хозяйственные должности. В декабре 1961 года исключен из КПСС. Несмотря на многочисленные прошения, не восстановлен в

партии, в отличие от Молотова. Умер 25 июля 1991 года в возрасте 97 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Как у многих партийных руководителей, имя Кагановича присваивалось территориальным объединениям и населенным пунктам, в частности, 1938 году, его именем был назван Кагановичский район Павлодарской области, но, после 1957 года, когда он был смещен со всех должностей, район был переименован в Ермаковский. В честь Кагановича были названы и другие объекты. Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во время правления Сталина. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится убийство, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Накануне неминуемого ареста Михаил Каганович застрелился.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968.
- Базылев В. Н. Автопортреты политиков: от психопозитики к психополитике // Политический дискурс в России-3. – М., 1999.
- Гроссман В. Жизнь и судьба. – Лозанна, 1980.
- Каганович Л. М. Памятные записки. – М., 1997.
- Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. – М., 1992.
- Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Мотивационная недостаточность как критерий деформированности субъективной картины жизненного пути. – М., 1988.
- Либин А. В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. – М., 2000.
- Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 2004.
- Славой Жижек. Власть и цинизм. – СПб., 1998.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1977.
- Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.
- Шкуратов В. А. Историческая психология. – М., 1997.
- Я, субъект, индивид в парадигмах современного языкознания: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 2002.

© Базылев В. Н., 2008